

Мажитова Ж. С. Разработка теоретико-методологических подходов в дореволюционной историографии института биев / Ж. С. Мажитова // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — С. 291—302.

УДК 930(470+574)

Разработка теоретико-методологических подходов в дореволюционной историографии института биев*

© **Мажитова Жанна Сабитбековна (2015)**, кандидат исторических наук, докторант кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета, Московский государственный университет им М. В. Ломоносова (Москва, Россия), mazhitova_69@mail.ru.

Рассматриваются попытки политико-юридического закрепления Российской империи на своих юго-восточных окраинах. Особое внимание уделяется формированию эволюционного подхода со стороны правительства при инкорпорации обычного права в соционормативное пространство империи. Автор отмечает, что с момента юридического закрепления российского присутствия на территории казахской Степи правительство взяло курс на постепенное слияние адата с русским правом. Указывается, что с этой целью проводится ряд реформ, целью которых было приобщение населения края к имперскому, «цивилизированному» праву путем последовательного изъятия полномочий у местной власти. Автор останавливается на характеристике сложившихся двух подходов к реформированию местной правовой культуры. Показано, что сторонники безболезненной интеграции неcodифицированного права с законом исходили из практического опыта и понимания, что для реформирования кочевого общества казахов нужна такая система управления, которая позволит со временем создать унифицированное правовое общество. Отмечается, что либералы — сторонники скорейшего создания единого гражданского общества — считали, что основными принципами цивилизованного общества является равенство всех граждан перед законом вне зависимости от этнического происхождения и материального положения. Показано, что несмотря на жаркие дискуссии российские власти придерживались выбранного курса — последовательной инкорпорации обычного права в правовое поле империи.

Ключевые слова: институт биев; обычное право; закон; практика правового плюрализма.

1. Введение

Формирование теоретико-методологических принципов и подходов дореволюционной историографии XVIII—XIX вв. по рассматриваемой теме зависело не только от идеологической ситуации в Российской империи. Оно было связано с пониманием политических и стратегических задач России, в состав которой казахи Младшего и Среднего жузов юридически вошли еще в первой половине XVIII века. К этому времени российское централизованное государство, берущее начало еще с времен Ивана IV Грозного, обращает свой взор

* Институт биев — орган власти в традиционном казахском обществе, сосредоточивший в своих руках все властные полномочия, в том числе судебные.

как на запад, где Петр I в ходе российско-шведских войн успешно «прорубал окно» в Европу, так и на Восток, где великий реформатор пытался подобрать «ключи» к «воротам» Азии.

Такую «многовекторную» внешнюю политику можно объяснить тем, что время Петра I связано с переоценкой в обществе исторической миссии России на международной арене и утверждением имперской концепции. В основе ее лежала твердая убежденность в том, что Россия, являясь преемницей Рима и Константинополя, имела «божественное» право на расширение территорий и «естественное» право распоряжаться судьбами людей. В данном случае «движение на восток представлялось исторической миссией России, обусловленной ее срединным географическим положением» [Азиатская Россия..., 2004, с. 293].

Политика расширения территории, оформленная в идее «собирания земли русской», была продолжена на протяжении всего существования Российского государства, позднее империи, поскольку, как указывает философ С. В. Лурье, «сохранение и в XIX веке важнейших принципов действия, унаследованных от Византии, указывает на то, что имплицитно проявлял себя взгляд на империю как на икону Царства Божия, как на государство, имеющее мистическое основание, а потому являющееся уникальным, а не одним из многих государств мира» [Лурье, 1997, с. 132]. Так, например, «накануне воцарения Петра I на троне территория России составляла 256 126 кв. миль, после смерти Петра — 275 571 кв. миль, после смерти Анны — 290 802 кв. миль, после смерти Елизаветы 294 497 — кв. миль. Ни характер государя или государыни, ни советники, окружавшие трон, не оказывали влияния на процесс: он всегда шел в одну сторону: расширения территории, приобретения новых земель» [Геллер, 1997, с. 124].

Объяснить успех поступательного широкомасштабного присоединения и закрепления на новых землях империи только силовым воздействием центра на приграничные окраины (хотя этот фактор не исключается), разноплановыми методами колонизации, включавшими стихийные и организованные потоки переселенцев, толерантным (по меркам той эпохи) отношением государства к народам и народностям (к примеру, свобода вероисповедания) будет, на наш взгляд, не совсем верным. Мы считаем, что историческое продвижение и расширение границ в юго-восточном направлении связано в том числе и с фактором государственной деятельности, правительственной политики и административно-правовой практики империи.

Процесс включения территории Казахской степи в состав Российской империи определяется относительно длительным временным интервалом (XVIII — середина XIX вв.). Он сопровождался утверждением властью правовых норм и практическим внедрением их в местное социоправовое поле. Эти нормы служили важным фактором по легитимации власти в крае, кроме этого, они были призваны способствовать постепенному формированию единого правосознания всех народов, населявших империю.

2. Методика

Одним из требований к исследователям современной исторической науки является поворот от описательного стиля к методологическому анализу историографических фактов, от простой констатации исторических событий к сравнительному анализу материала, позволяющему выявить проблемы в изучаемой теме, те или иные стороны исторического процесса, которые в силу разных конъюнктурных или иных причин остались вне поля зрения ученого, объективно сопоставить их и на основе этого определить перспективы будущих исследований с целью обеспечения преемственности знаний в развитии научной мысли.

С этой целью в статье были использованы общенаучные и специальные методы исторического и историографического исследования, к ним относятся методы объективности и компаративного анализа.

3. Результаты

Анализ данной проблемы, проведенный в рамках этой работы, имеет как теоретический, так и прикладной характер. Научно-теоретические проблемы и разработки, затронутые в статье, лягут в основу дальнейшей исследовательской работы автора. Кроме этого, материалы могут быть использованы при написании специальных и обобщающих работ по истории казахского общества, истории традиционного общества в дореволюционную эпоху.

4. Обсуждение

Следует начать с того, что в XVIII веке процесс юридического включения Младшего и Среднего жузов в состав империи не подразумевал фактического закрепления Российской империи на этих территориях. Ее присутствие было скорее «гостевым», поэтому ни о каких серьезных реформах в области права в это время речи не заходило. Бескрайние степные просторы, посезонно кочующие казахские племена, у которых, по мнению российских исследователей и путешественников, «сложно было найти какие-то признаки государственности», сформировали в российском обществе стойкое мнение о казахах как общности, пребывающей в доклассовой стадии развития. Один из видных ученых и начальников Оренбургской экспедиции В. Н. Татищев (1737—1739) видел историю мира как непрерывное восхождение от младенчества к «мужеству». При этом восхождение по каждой стадии развития он связывал с очередным уровнем знания и культуры. «И тако мнится, что удобно можем сравнить до обретения письма и закона Моисеева со временем младенчества человека» [Татищев, 1979, с. 70]. «Своеобразные» черты, присущие кочевому миру казахов, объяснялись возрастными параметрами, поэтому кочевники стали восприниматься не просто как «чужие», но и как «иные», живущие в «состоянии незрелости». Путешественники и исследователи казахского общества исходят именно из этого методологического постулата, поэтому употребление эпи-

тетов *дикарь*, *варвар* и т. д. по отношению к характеристике уровня развития общества *номадов* встречается повсеместно.

Такой методологический подход сохранился и в XIX веке с той лишь разницей, что теперь требовалось законодательное обеспечение, вытекающее из необходимости фактического закрепления на этой территории. Идеи историзма и эволюционного права немецких философов Шеллинга, Фихте и Гердера оказали огромное влияние на взгляды чиновников и исследователей права. В числе сторонников этих идей был один из первых реформаторов в области казахского права генерал-губернатора Западной Сибири М. М. Сперанский (1819—1921).

Обширная малозаселенная территория Степи, немногочисленный государственный аппарат, не позволявший силой атаковать местную правовую практику, непонятность для казахов, а потому «ненужность» российских законов объективно затрудняли проведение мероприятий в области пересмотра и переоценки адата с тем, чтобы он растворился в имперском праве. Поэтому неслучайно политика М. М. Сперанского в крае стала зеркальным отражением популярных в те времена идей о необходимости преобразований в устройстве окраинных народов по цивилизованной (европейской) модели как соответствующей культурному и развитому обществу. Его новаторские идеи, касающиеся плана преобразования России (к примеру, идея разделения властей на законодательную, исполнительную, судебную) сделали М. М. Сперанского одним из первых политических мыслителей России начала XIX века.

После прибытия в Сибирь он выяснил, что местные народы заметно отличаются от русских. В письме к своей дочери М. М. Сперанский писал о празднике «диких киргизов» в окрестностях Омска: «Они (казахи. — *Ж. М.*) жрут почти сырых баранов и пьют кумыс. Нет ничего отвратительнее дикой природы, если в самом деле это есть природа, а не одичавшее ее произведение» [Сперанский, 2002, с. 104]. Выявленные им отличия, казалось, касались всего: климата, образа жизни, веры, суда. В то же время он верил: «Законы должны отражать духовные и интеллектуальные нужды народа, сформированные национальной историей и традиций. Каждое общество проходит через детство, зрелость и старость, и “законодатель не может и не должен менять этот возраст, но он должен знать его точно и управлять каждым в соответствии с его собственным характером”» [Слезкин, 2008, с. 102]. Таким образом, законы привязывались к определенному уровню развития культуры.

В этом плане «путь» в когорту цивилизованных обществ для «отсталых» и «слаборазвитых» виделся, в том числе, через законы, которые должны были стать «моделями для преобразований, и если они должным образом воплощались чуткими и отзывчивыми администраторами, то постепенное восхождение к почитанию норм права последует естественным образом» [Raeff, 1969, с. 340]. То есть «целью правительства было не отдалять народ, для которого издаваемые законы предназначались, а стимулировать его на то, чтобы “принять

и понять его намерения со стороны общества в целом в силу их логической согласованности с нуждами правительства» [Мартин, 2009, с. 48].

Для того чтобы «подтянуть» менее развитые общества к российской (европейской) модели и тем самым создать гомогенное российское общество, предполагалось провести реформирование общества, направить его развитие в нужное русло. Единственный вопрос, который волновал общественность, — пути этого реформирования: поступательный (принцип историзма) или крутая ломка устоявшихся местных культурных ценностей (назовем его революционный). На протяжении всего XIX века наиболее крепкие позиции среди государственных чиновников и представителей общественности имели сторонники первого курса. Неслучайно основные положения всех законодательных документов предполагали установление российского правления, в том числе путем использования норм адата.

Исходя из этого постулата, в основу реформы «Устава о сибирских киргизах» 1822 года М. М. Сперанский взял курс на использование российского права в качестве средства по «оцивилизованию» казахов и включению посредством этого в российское «цивилизованное (гражданское) общество». Повторю, что до 1822 года империя лишь юридически присутствовала в Степи, после этого года началось последовательное политико-правовое включение Степи в состав России (реформы 1824, 1854, 1867, 1868 гг. и др.). Важной особенностью этого законодательного документа, определившего характер и содержание всех последующих, явилось то, что М. М. Сперанский взял курс на постепенное преобразование существующих судебных практик, на поступательное внедрение среди местного населения идеи об имперском праве как более гуманном и справедливом. Поскольку местное население в Западной Сибири было представлено разнородными этническими сегментами, имеющими характерные для них специфические культурные черты, в целом разный уровень развития общества, М. М. Сперанский видел слияние Степи с империей как процесс поэтапный, эволюционный. В практическом выражении эти нововведения выражались в том, что наряду с тем, что вводилось имперское законодательство по некоторым видам уголовных преступлений, казахам разрешалось регулировать свои споры по адату, однако с этого момента начинается перекодификация некоторых норм обычного права в сторону объявления их противоправными.

Предполагалось, что со временем суд биев не выдержит конкуренции с мировыми судами и постепенно станет судебным рудиментом в жизни кочевников. Такова была логика господствовавшего в то время эволюционистского подхода.

Таким образом, реформы 1820-х гг. можно условно обозначить как некую «точку отсчета»: с этого момента начинается долгий путь трансформации суда биев, его встраивание в российское соционормативное поле. При этом принципы историзма в подходе к вопросам слияния местного права с имперскими стали настолько всеобъемлющими, что можно говорить о том, что они стали

основным методологическим подходом для исследователей и администраторов вплоть до советской власти.

Следует признать, что понимание правительством России того, что территория империи в географическом, конфессиональном, этническом и т. д. разрезе представляет собой разнохарактерное пространство, привело к разработке взвешенного, сбалансированного подхода к вопросам по управлению обширными юго-восточными окраинами.

Приняв во внимание сложившиеся народные правовые обычаи и учитывая неудачи в кавказском опыте [Бобровников, 2002; Обычай, 2009], российские законоведы берут курс на постепенную инкорпорацию местного некодифицированного права в российский правовое поле. Такая полиюридическая имперская политика, полагаем, была направлена на решение нескольких задач. Во-первых, в ходе реформ 1820-х гг. начинает устанавливаться практика правового плюрализма — синтеза адата и норм российского права, подразумевавшая первую попытку вращивания местных адатных судов в российское соционормативное поле. Государство такими мерами признавало существование, наряду с имперским правом, и адатного. Курс в отношении местного права связан, скорее всего, не с «симпатиями» к нему, а с вполне прагматическими целями: ломка обычаев, в целом насильственные метаморфозы культуры казахского народа могли привести к противостоянию региона и империи, к потере контроля со стороны последней над человеческими и материальными ресурсами. В то время как сбалансированная, осторожная, взвешенная политика могла обеспечить включение края в поле влияния империи и постепенное, безболезненное вращивание всех его институтов в социокультурное пространство.

Во-вторых, имперский курс, узаконивая разнообразные правовые режимы, рассчитывал «утвердить верховенство российской власти и в то же время дать населению *огромные полномочия для самостоятельного управления* (курсив мой. — *Ж. М.*) на местах» [Бербанк, 2004, с. 323]. В этом пункте можно выделить несколько моментов: 1. Предоставляя местным судам по-своему интерпретировать правовой обычай, империя прямо и косвенно втягивала их в процесс законотворчества, т. е. управление краем. 2. Дозволяя использовать обычно-правовой инструментарий (в том числе *судебный прецедент*), как наиболее правоприменительный к этой социокультурной среде, власти, с одной стороны, шли на легитимное «соглашение» с местным нобилитетом (в том числе биями) — она давала им определенные льготы и привилегии в обмен на обязательство служить ей и быть проводниками имперской колониальной политики на местах. Как говорил И. Лакост: «Никакая колонизация невозможна без содействия групп местного населения и автохтонной аристократии» [Горшенина, 2007, с. 238]. С другой — таким «соглашением» она хотела обеспечить правовой порядок силами местной политической элиты (читай: давала *огромные полномочия для самостоятельного управления*), не затрачивая финансовых средств и военных ресурсов.

Имперский дискурс по реформированию столь обширного края и вхождению его в российское соционормативное пространство вызывал необходимость сбора и систематизации юридических практик казахов. Идеи о цивилизаторской миссии империи по отношению к нерусским народам, которым «семи гражданственности мы развеваем не насилеи и принуждениями, не утопиями и непримиримыми к делу теориями, а совершенно иными путями — путями кротости, христианской любви и строго правосудия» [Небольсин, 1852, с. 29], привели к появлению сборников, в которых были предприняты попытки кодификации норм обычного права казахов. Составление свода уложений местных практик должно было способствовать повышению эффективности работы властей, которые, знакомясь с местным правом, могли селективно отобрать и ввести в нормативный режим только те, которые, по их мнению, не противоречили приоритету закона империи.

Наряду с материалами полевой работы, источниками для сбора информации об адате служили различные отчеты, записки, донесения и т. д. образованных государственных чиновников, которых судьба «занесла» в далекий степной край.

К 1820-м гг. сложились в основном два подхода к реформированию нормативного поля казахов. Так, согласно предложениям сторонников либерального подхода российское законодательство представлялось как унитарное (в правовом аспекте) правовое пространство, в котором должны были раствориться все местные правовые практики [Дингельштедт, 1892; Зувев, 1907 и др.].

Либералы считали, что основными принципами цивилизованного государства являются верховенство закона и равенство всех граждан перед законом вне зависимости от социального происхождения и богатства. В контексте «окультуривания» нерусских народов они видели будущее России как просвещенного, цивилизованного государства, поэтому курс властей на постепенное, в обозримом будущем инклюзивное распространение общего права вызывало возмущение и жесткую критику. Доводами либералов в пользу скорейшей унификации права служили перемены в жизни казахов, которые «стали во многом нам подражать, устраивать для себя дома и мечети, разводя хлебопашество, так что в настоящее время, большею частью, родственники убитого уже не домогаются платежа за него, а требуют наказания убийцы; за баранту (угон скота. — Ж. М.) скота уже не отправляются за отнятием его, а жалуются Русскому Начальству: будучи уверенными, что по распоряжению его и скот его возвратится, и барантовщики не останутся без взыскания, равным образом и недовольные решением биев в делах о кражах или о чем-либо другом приносят на него Русскому начальству жалобы. Все сие доказывает, что в настоящее время киргизы не только довольны изданными для них Российскими законами, но даже как бы *требуют распространения* (курсив мой. — Ж. М.) на них и других законов Империи» [ГИАОО, л. 342].

Либералы отрицательно относились к местным правовым практикам, деятельность судов, в том числе по обычному праву, ассоциировалась с «пере-

житками», «патриархальностью», «отсталостью», которые дискредитировали Россию в глазах «просвещенной» Европы и в совокупности тормозили процессы модернизации общества.

Позиции либералов усилились во второй половине XIX века, когда в 1875 году прошел первый съезд русских юристов, на котором доклад М. Н. Соловьева и А. М. Фальковского: «Об издании гражданского уложения Российской Империи с изложением причин необходимости отмены местных сводов гражданских узаконений, ныне действующих, и указанием основных положений, могущих служить к объединению в России гражданского права» [Соловьев и др., 1882] послужил еще одним мощным импульсом для «популяризации» дискурса об общеимперском гражданском праве.

Правда, апологеты общеимперского законодательства, говоря о концепции правовой интеграции империи, очерчивали географические рамки теми районами, которые подходили под понятия «цивилизация»: «Навязывать гражданские нормы цивилизованного общества каким-нибудь чукчам или самоедам, само-собой (сохранена орфография источника. — Ж. М.) невозможно, как невозможно требовать, чтобы рыба летала или птица ползала на четвереньках» [Первый..., 1882, с. 80].

В конце XIX — начале XX вв. в важнейших дискуссиях по вопросам правопорядка в России приняли участие такие яркие личности из числа авторитетных юристов-либералов, как В. Д. Набоков, В. А. Маклаков, А. Ф. Кони, В. М. Гессен. «Их мысли и представления о современном им обществе оказали огромное и долговременное влияние на дискуссии о перспективах, возможностях и неудачах правового развития России» [Burbank, 1995]. По мнению этих ученых — сторонников либеральных преобразований, правовая культура должна быть построена «на <таких> принципах, как создание единой и однородной для всех граждан судебной системы, гласность и введение суда присяжных, всеобщее знание статутного права, рациональная кодификация законов, постановка судопроизводства на нормативную основу и независимость судебной власти» [Бербанк, 2000, с. 272]. Отсутствие этих принципов, по мнению либералов, могло отбросить назад процесс построения правового государства.

Другое направление было представлено сторонниками использования полиюридического подхода (можно обозначить этот подход несколькими понятиями — государственный, официальный). Они исходили из практического опыта и понимания, что для модернизации кочевого общества нужна система управления, которая позволит без ущерба для обеих сторон (акторов процесса) создать гомогенное правовое общество [Бабаджанов, 1861; Костенко, 1871; Терентьев, 1875 и др.]. Хотя временные рамки этого процесса не оговаривались, но и не растягивались на десятилетия. Осознание сложности этого процесса и возможности возникновения разного рода объективных проблем подталкивало их к созданию такого гибкого законодательства, которое путем инкорпорации местного права должно было способствовать постепенной

трансформации правового самосознания казахов и включению в правовое социокультурное пространство империи.

Конечно, процесс инкорпорации местного права в российское был задуман как поступательный, в то же время предполагалось не растягивать его века. Не зря на протяжении всей второй половины XIX века работали различные комиссии (Ф. К. Гирса (1865), М. Курбановского (1883), К. А. Нестеровского (1902—1903), К. К. Палена (1908—1909), А. Н. Куропаткина (1916) и др.), перед которыми стояла конкретная задача по приращению местных правовых практик к имперскому. На деле оказалось все гораздо сложнее. Поэтому, несмотря на многочисленные попытки противников местных правовых практик поднять на государственном уровне вопрос о полной ликвидации традиционных правовых институтов, высшие судебные власти империи отказывались их ликвидировать.

5. Выводы

Итак, проведение реформ с целью создания унифицированной правовой системы, которая была нацелена на изменение правового сознания казахов, в определенной степени не увенчалось успехом. Адат продолжал повсеместно использоваться в судебных практиках казахов. В то же время говорить о полном крахе проводимых со стороны правительства мероприятий, думаю, будет неправильным. Целенаправленные, рассчитанные на перспективу правовые устремления правительства к началу XX века в определенной степени снизили потенциал сопротивления российскому праву со стороны кочевников. Появившаяся у казахов возможность апеллировать по разным причинам к российскому суду в обход народного свидетельствует о верности выбранного имперскими властями курса по русификации правовой культуры кочевников, по созданию однородного соционормативного поля империи.

Однако события 1917 года помешали замыслу российских администраторов в этом вопросе и сохранили в Степи имманентные социальные институты, в том числе и в области обычного права.

Литература

1. *Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике* : XVI—XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников. — Москва : Наука, 2004. — 600 с.
2. *Бабаджанов Х. М.* Заметки киргиза о жите и участи его родичей / Х. М. Бабаджанов // Санкт-петербургские ведомости. — 1861. — № 136. — С. 2.
3. *Бербанк Дж.* Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция: перспективы начала XX века / Дж. Бербанк // Американская русистика : веки историографии последних лет. Императорский период. Антология. — Самара : Сам. ун-т, 2000. — С. 269—298.
4. *Бёрбэнк Дж.* Местные суды, имперское право и гражданство в России / Дж. Бёрбэнк // Российская империя в сравнительной перспективе : сборник статей / под ред. А. И. Миллера. — Москва : Новое издательство, 2004. — С. 320—358.

5. *Бобровников В. О.* Мусульмане Северного Кавказа : обычаи, право, насилие : очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана / В. О. Бобровников. — Москва : Вост. лит., 2002. — 368 с.
6. *Геллер М.* История Российской империи : т. II / М. Геллер. — Москва : МИК, 1997. — 318 с.
7. *Горшенина С.* Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или войдет ли постсоветская Средняя Азия в область *post*-исследований / С. Горшенина // *Ab Imperio*. — 2007. — № 2. — С. 230—252.
8. *Государственный* исторический архив Оренбургской области. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 3148. — Л. 342.
9. *Дингельштедт Н.* Судебное преобразование в Туркестане / Н. Дингельштедт // Журнал гражданского и уголовного права. — 1892. — Кн. 7. — С. 34—35.
10. *Зуев А.* Киргизский народный суд / А. Зуев // Журнал Министерства юстиции. — 1907. — № 10. — С. 161—208.
11. *Костенко Л.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности / Л. Костенко. — Санкт-Петербург : Базунов, 1871. — 358 с.
12. *Лурье С. В.* От древнего Рима до России XX века : преемственность имперской традиции / С. В. Лурье // *Общественные науки сегодня*. — 1997. — № 4. — С. 130—152.
13. *Мартин В.* Закон и обычаи в Степи : Казахи Среднего жуза и Российский колониализм в XIX веке / В. Мартин ; пер. с англ. Д. М. Костина. — Алматы : Санат, 2009. — 265 с.
14. *Небольсин П.* Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край / П. Небольсин // *Вестник ИРГО* / под ред. В. А. Милютина. — Санкт-Петербург : Тип. Э. Праца, 1852. — Ч. IV. — Кн. 1—2. — С. 18—29.
15. *Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V — начала XX в.* Т. II : В царской и ранней советской России / сост. и отв. ред. В. О. Бобровников. — Москва : Изд. дом Марджани, 2009. — 262 с.
16. *Первый съезд русских юристов в Москве в 1875 году* / под ред.: С. И. Баршев, Н. В. Калачов, С. А. Муромцев, А. М. Фальковский. — Москва : Типография А. И. Мамонтова и К°, 1882. — 280 с.
17. *Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Ю. Слезкин ; пер. с англ. О. Леонтьевой. — Москва : Новое литературное обозрение, 2008. — 516 с.
18. *Соловьев М. Н.* Об издании гражданского уложения Российской Империи с изложением причин необходимости отмены местных сводов гражданских узаконений, ныне действующих, и указанием основных положений, могущих служить к объединению в России гражданского права / М. Н. Соловьев, А. М. Фальковский // *Первый съезд русских юристов в Москве в 1875 году*. — Москва : Типография А. И. Мамонтова и К°, 1882. — С. 59—99.
19. *Сперанский М. М.* Письма к дочери / М. М. Сперанский ; сост. Н. В. Куксанова. — Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2002. — 196 с.
20. *Татищев В. Н.* Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах / В. Н. Татищев. — В книге: Татищев В. Н. Избранные произведения / В. Н. Татищев : под общ. ред. С. Н. Валка. — Ленинград : Наука, 1979. — 463 с.
21. *Терентьев М.* Туркестан и туркестанцы / М. Терентьев // *Вестник Европы*. — 1875. — № 9. — С. 65—112.
22. *Burbank J.* Discipline and Punish in the Moscow Bar Association / J. Burbank // *The Russian Review* 54. — 1995. — № 1. — P. 45—48.
23. *Raef M.* Mikhael Speransky. Statesman of Imperial Russia 1772—1839 / M. Raef. — Second edition. Netherlands, Hague : Springer, 1969. — 394 p. — DOI 10.1007/978-94-011-7495-4.

Development of Theoretic and Methodological Approaches in Pre-Revolutionary Historiography of Beys Institute

© **Mazhitova Zhanna Sabitbekovna (2015)**, PhD in History, Doctoral degree seeker, Department of History of Near-Abroad States, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), mazhitova_69@mail.ru.

The attempts of political and legal consolidation of the Russian Empire on its south-eastern borders are considered. Special attention is paid to forming an evolutionary approach from the government in the incorporation of customary law in social normative Empire space. The author notes that since the legal consolidation of the Russian presence on the territory of the Kazakh Steppe the government has embarked on a merging of the adat with the Russian law. It is noted that for this purpose a series of reforms aimed at familiarizing of the population of the region to the Imperial "civilized" law through the progressive removal of powers from local authorities. The author dwells on the characteristics of two approaches arisen when reforming the local legal culture. It is shown that the proponents of painless integration of uncodified law to the law proceeded from the practical experience and understanding that for the reform of the nomadic society of the Kazakhs a system of governance is needed that will allow to create a unified legal community. It is noted that the liberal supporters of early establishment of a unified civil society believed that the basic principles of a civilized society is the equality of all citizens before the law regardless of ethnic ancestry and economic status. It is shown that despite the heated debates, the Russian authorities kept the course — consistent incorporation of customary law within the legal framework of the Empire.

Keywords: institute of beys; customary law; law; practice of legal pluralism.

References

- Alekseev, V. V., Alekseeva, E. V., Zubkov, K. I., Poberezhnikov, I. V. 2004. *Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoy dinamike: XVI—XX veka*. Moskva: Nauka. 600. (In Russ.).
- Babadzhanov, Kh. M. 1861. Zаметki kirgiza o zhitiye i uchasti ego rodichey. *Sankt-peterburgskiyе vedomosti*, 136: 2. (In Russ.).
- Barshev, S. I., Kalachov, N. V., Muromtsev, S. A., Falkovskiy, A. M. (eds.). 1882. *Pervyy syezd russkikh yuristov v Moskve v 1875 godu*. Moskva: Tipografiya A. I. Mamontova i K. 280. (In Russ.).
- Berbank, Dzh. 2000. Pravovaya kultura, grazhdanstvo i krestyanskaya yurisprudentsiya: perspektivy nachala XX veka. In: *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskiy period. Antologiya*. Samara: Sam. un-t. 269—298. (In Russ.).
- Bobrovnikov, V. O. 2002. *Musulmane Severnogo Kavkaza: obychai, pravo, nasiliye: ocherki po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana*. Moskva: Vost. lit. 368. (In Russ.).
- Bobrovnikov, V. O. (ed.) 2009. *Obychay i zakon v pis'mennykh pamyatnikakh Dagestana V — nachala XX v. II: V tsarskoy i ranney sovetskoy Rossii*. Moskva: Izd. dom Mardzhani. 262. (In Russ.).
- Burbank, J. 1995. Discipline and Punish in the Moscow Bar Association. *The Russian Review* 54, 1: 45—48.
- Byorbenk, Dzh. 2004. Mestnyye sudy, imperskoye pravo i grazhdanstvo v Rossii. In: Miller, A. I. *Rossiyskaya imperiya v sravnitel'noy perspektive: sbornik statey*. Moskva: Novoye izdatelstvo. 320—358. (In Russ.).
- Dingelshedt, N. 1892. Sudebnoye preobrazovaniye v Turkestane. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnoy prava*, 7: 34—35. (In Russ.).

- Geller, M. 1997. *Istoriya Rossiyskoy imperii*. Moskva: MIK. II: 318. (In Russ.).
- Gorshenina, S. 2007. Izvechna li marginalnost' russkogo kolonial'nogo Turkestana, ili voydet li postsovetskaya Srednyaya Aziya v oblast' post-issledovaniy. *Ab Imperio*, 2: 230—252. (In Russ.).
- Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Orenburgskoy oblasti*. F. 3. Op. 2. D. 3148. L. 342. (In Russ.).
- Kostenko, L. 1871. *Srednyaya Aziya i vodvorenije v ney russkoy grazhdanstvennosti*. Sankt-Peterburg: Bazunov. 358. (In Russ.).
- Lurye, S. V. 1997. Ot drevnego Rima do Rossii XX veka: preemstvennost' imperskoy traditsii. *Obshchestvennyye nauki segodnya*, 4: 130—152. (In Russ.).
- Martin, V. 2009. *Zakon i oby chay v Stepi: Kazakhi Srednego zhuza i Rossiyskiy kolonializm v XIX veke*. Almaty: Sanat. 265. (In Russ.).
- Nebolsin, P. 1852. Otchet o puteshestvii v Orenburgskiy i Astrakhanskiy kray. In: Milyutin V. A. (ed.) *Vestnik IRGO*. Sankt-Peterburg: Tip. E. Pratsa. *IV(1—2)*: 18—29. (In Russ.).
- Raeff, M. 1969. *Mikhael Speransky. Statesman of Imperial Russia 1772—1839* (Second edition). Netherlands, Hague: Springer. 394. DOI 10.1007/978-94-011-7495-4.
- Slezkin, Yu. 2008. Arkticheskiye zerkala: Rossiya i malye narody Severa. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. 516. (In Russ.).
- Solovyev, M. N., Falkovskiy, A. M. 1882. Ob izdanii grazhdanskogo ulozheniya Rossiyskoy Imperii s izlozheniyem prichin neobkhodimosti otmeny mestnykh svodov grazhdanskikh uzakoneniy, nyne deystvuyushchikh, i ukazaniyem osnovnykh polozheniy, mogushchikh sluzhit' k obyedineniyu v Rossii grazhdanskogo prava. In: Barshev, S. I., Kalachov, N. V., Muromtsev, S. A., Falkovskiy, A. M. (eds.). *Pervyy syezd russkikh yuristov v Moskve v 1875 godu*. Moskva: Tipografiya A. I. Mamontova i K. 59—99. (In Russ.).
- Speranskiy, M. M. 2002. *Pis'ma k docheri*. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t. 196. (In Russ.).
- Tatishchev, V. N. 1979. Razgovor dvukh priyateley o polze nauki i uchilishchakh. In: Tatishchev, V. N. *Izbrannyye proizvedeniya*. Leningrad: Nauka. 463. (In Russ.).
- Terentyev, M. 1875. Turkestan i turkestantsy. *Vestnik Evropy*, 9: 65—112. (In Russ.).
- Zuev, A. 1907. Kirgizskiy narodnyy sud. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*, 10: 161—208. (In Russ.).